

18+

Т. Абрамова-Милина

Знаки препинания

Он, Она и не только

Т. Абрамова-Милина
Знаки препинания.
Он, Она и не только

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50174466
ISBN 9785449810557*

Аннотация

В сборнике собраны рассказы разных лет о том, что удивило, оставило след, что повлияло на мое мировоззрение. Рассказы о людях, которые поразили меня своими качествами или поступками. Это своеобразные беседы о жизни. Благодарна за отзывы моим читателям. Неоднократно слышу трогательные признания в том, что люди смогли читать «только один рассказ в день», поскольку истории заставляют задуматься. Это лучшая награда для писателя! С любовью, Татьяна Абрамова-Милина

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ	7
ОЛЬГА	7
БЕНЯ	19
ШАНС	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Знаки препинания Он, Она и не только

Т. Абрамова-Милина

© Т. Абрамова-Милина, 2020

ISBN 978-5-4498-1055-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

«Ошибки – это знаки препинания жизни, без которых, как и в тексте, не будет смысла». Цитируя Харуки Мураками, задумываюсь об аналогии.

В жизни тоже бывают «знаки препинания», но не всегда они являются ошибками.

Бывают точки отсчета, поворотные точки, которые меняют кардинально течение жизни или вдруг, переворачивают сознание.

Запятые – когда, споткнувшись, человек идет дальше. Или просто нужна пауза, чтобы подумать, дать жизни время собрать все воедино.

Или многоточие – когда впереди неизвестность.

Точка с запятой – открываются новые негативные качества в человеке, которого знал всю жизнь. Вроде бы надо поставить точку, а ставишь запятую, вот она – «точка с запятой».

Вопросительные и восклицательные знаки – спутники каждого нашего дня.

Претворяешься тем, что пишут в кавычках. Произносишь фразу, смысл которой – в скобках. Двоеточие: понял смысл.

У каждого из нас свое «тире» – между рождением и уходом из этого мира. По существу, оно вмещает в себя всю человеческую жизнь, и каждый из нас находится сейчас в ка-

кой-то точке этого тире.

Бывают просто паузы, когда нет соответствующего знака и жизнь начинает новый абзац. Иногда осознаешь это гораздо позже.

Хочется писать рассказы, где только восклицательные знаки.

Но интереснее, где есть разные.

Выражаю благодарность всем, кто поддерживал меня в творчестве.

С любовью Татьяна Абрамова-Милина

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

ОЛЬГА

Фотография была довоенной. Ажурный край, потертый глянец. Муж выглядел на фото совсем юным, хотя ему было уже за тридцать. Короткая стрижка, модный пиджак. Он был высокий, ладный, с крупными чертами лица. Ольга смотрела на фотографию долго-долго, будто пытаясь окунуться в нее и попасть в то время, когда они были беззаботными, счастливыми, и еще не верили в то, что будет война. Разглядывая каждую деталь, притягивая воспоминания со всеми подробностями, чтобы не забыть, не отпустить, не растерять: выражение глаз, прикосновения рук, нежность губ, до боли знакомый запах любимого тела, она поглаживала фотографию – пальцы помнили ткань пиджака, щетину на лице, шелк непослушных волос.

– Почему ты не приходишь ко мне во сне? Ты мог бы присниться. Ты что, не хочешь меня видеть? – Ольга представила себя на фотографии рядом с мужем. – Могли бы обняться, и теперь на фото были бы вместе. Постеснялись. Как я смогу тебя обнять?

Усталым движением Ольга облокотилась на спинку стула, откинула голову назад и закрыла глаза. Вся тяжесть дня

раздавила ее снова. Отекшие ноги невыносимо гудели в кирзовых сапогах. Спину ломило так, что не встать со стула. «Одиннадцать, нет, двенадцать операций за сегодня, а раненных все везут и везут», – закрывая глаза, Ольга видела инструменты, бинты, салфетки – один и тот же калейдоскоп кружил, не отпуская. Черепно-мозговые травмы были по ее части, больше оперировать некому. Только разговаривая с мужем, с его фотографией, она находила в себе силы встать, идти в операционную, снова и снова часами оперировать, забывая поесть, и не имея времени поспать.

– Видишь, я беременная оперирую..., а ты хотел, чтобы я ушла с работы, когда решим завести ребенка. Ты, наверное, ужасно рад, что у нас будет ребенок? Конечно, как может быть иначе. Имя надо придумать.... Ну да, я опять об одном и том же, который раз, прости. Да-да, я сейчас поем и отдохну. – Ольга попыталась стянуть сапоги. – Ты же знаешь, сапоги – по уставу, не разрешают без сапог. Попрошу на три размера больше. А вдруг грохнусь в обморок опять? В маске, со скальпелем и в огромных сапожищах, вот смеху то будет...

Ольга еще некоторое время смотрела на фотографию, белой рамкой очерченной в сумерках комнаты, затем, чмокнув изображение мужа, бережно уложила маленькое фото в сложенную квадратиком «похоронку», спрятала все привычным движением под подушку.

Муж ушел на фронт в начале войны. Он был инженером,

мог бы получить «бронь» и уехать вместе с ней в тыл. Она знала, что он этого никогда не сделает. Поэтому не спорила, а тихо умирала от предстоящей разлуки и дурных предчувствий. Похоронка пришла через два месяца. Чтобы не сойти с ума от горя, Ольга много работала и сразу начала хлопотать об отправке на фронт. К этому времени она уже знала, что беременна, но никому об этом не сказала. Родителей отправила к тетке в Сибирь. Назначение в прифронтной госпиталь дали быстро, поскольку нейрохирургов не хватало. Ольга чувствовала себя на линии фронта, когда боролась за чужие жизни. Будто наравне с мужем. «Если бы кто-нибудь спас его там, как я спасаю других здесь».

Госпиталь отступал к Москве вместе с линией фронта. Ольга оперировала до самых родов, хотя живот очень мешал, и сил не хватало. Но ехать в Москву, а тем более в эвакуацию, она категорически отказалась. Анечка родилась в начале лета. Целых два дня Ольга отдыхала с малышкой, не оперируя, только давая консультации. Теперь ее жизнь приобрела новый смысл. Ольга разговаривала с мужем и дочерью одновременно, выдавая реплики за всех, как будто они были все вместе, одной семьей. Правда, пока никто посторонний не мог ее слышать. Анечка была не только спокойным и сообразительным ребенком, она была божественно красива. Правильные черты лица, лазурные глаза, длинные ресницы, белая кожа с акварельным румянцем, белокурые локоны. Ее с удовольствием нянчили все, и Анечка росла в госпита-

ле как «дочь полка», подкрепляя в людях ожидание другой, послевоенной жизни.

Новый год в госпитале справляли по-семейному. Врачи, медсестры, санитарки, больные – все вместе. Ольга уложила ребенка спать и присоединилась к столу. Обсуждали все те же новости: победу под Сталинградом, наступление нашей армии. «Когда же закончится война?». Ольга смотрела на скромный новогодний стол и вдруг поняла, что секунду назад она сидела с другой стороны. Как она переместилась в это место, она не помнила. Машинально выпила немного спирта и ушла в свою комнату. Голова кружилась, Ольга уже к этому привыкла, от переутомления так бывало. Она достала фотографию, привычно завела разговор о прошедшем дне. Вглядываясь в фото, она не смогла узнать мужа, а потом с ужасом поняла, что не может вспомнить его лицо. «Что это я? Так напилась?». Она встала, осторожно открыла дверь, собираясь вернуться к застолью, но в следующий момент потеряла сознание, рухнув на пол, словно кукла, брошенная кукловодом. Очнувшись, увидела склонившихся над ней коллег. Она и раньше падала в обморок, но это было от невероятной нагрузки. Ольга понимала, что с ней что-то не так. Ее освободили от операций, провели обследование, состояние ее ухудшалось. Ольга сама поставила себе диагноз, он позже подтвердился – опухоль мозга.

Стоял холодный февраль. Госпиталь переезжал теперь чаще, чем раньше, не поспевая за наступлением советских

войск. Ольгу и Анечку разместили в небольшом классе – госпиталь располагался в сельской школе. Специально для Ольги вызвали из Москвы известного нейрохирурга. Операцию назначили на завтра. Ольга лежала в кровати с бритой головой, в белой косынке из наволочки. Анечка играла в самодельном манеже на полу рядом с «буржуйкой». «Господи, что я сделала не так? Разве мало жизней я спасла? Что будет с Анечкой? За что, Господи? За что?» – заезженной пластинкой гудели в голове одни и те же вопросы. Ответом на них была тупая боль и приступы помутнения сознания.

Стоял холодный февраль. Госпиталь переезжал теперь чаще, чем раньше, не поспевая за наступлением советских войск. Ольгу и Анечку разместили в небольшом классе – госпиталь располагался в сельской школе. Специально для Ольги вызвали из Москвы известного нейрохирурга. Операцию назначили на завтра. Ольга лежала в кровати с бритой головой, в белой косынке из наволочки. Анечка играла в самодельном манеже на полу рядом с «буржуйкой». «Господи, что я сделала не так? Разве мало жизней я спасла? Что будет с Анечкой? За что, Господи? За что?» – заезженной пластинкой гудели в голове одни и те же вопросы. Ответом на них была тупая боль и приступы помутнения сознания.

Ольга задумалась о потусторонней жизни. Ей казалось, что вот-вот накатит страх смерти, охватит ужас, начнется истерика, но страха не было, только легкое оупение. «Это от лекарств». Она представила темное, сырое подземелье,

огромную каменную дверь, покрытую плесенью и мхом, и себя, стоящую перед этой дверью, в больничной рубашке, босиком, с бритой головой, на которой запеклась кровь между грубыми швами. Нужно только толкнуть эту гигантскую дверь и шагнуть в темноту. Так виделся ей переход от жизни к смерти.

В комнате был прохладно. Окно напоминало картину в дешевой раме, на которой с каждым днем ярче проявляется морозная роспись, иней придавал узорам объем. Февральская вьюга тоскливо подвывала, перекрывая шум канонады. Стемнело. Низкая лампочка то мигала морзьянкой, то гасла на время. Анечке еще не было года, она резво ползала, и сама играла нехитрыми игрушками, привыкшая к полумраку. Ольга сползла с кровати, расположилась рядом с дочкой на полу, взяла ее на руки, закутавшись в суконное одеяло, как в кокон, обняла ее крепко и нежно, прощаясь с ней заранее.

– Вот, мое солнышко, какая хитрая штука жизнь. Когда умер твой папа, я тоже хотела умереть. А теперь так хочу жить, радоваться вместе с тобой, но бог посылает мне болезнь, от которой нет спасения. Как же так, доченька? – Ольга пыталась представить, как будет выглядеть ее красавица дочка, когда вырастет. – Ты забудешь меня, станешь взрослой и красивой, а я не увижу тебя, не смогу помочь, не смогу научить тебя жизни...

Анечка засмеялась, ладошками обхватила ее лицо, пыта-

ясь укусить за нос. Ольга гладила светлые локоны, целовала нежные щечки, вдыхала молочный запах детского тельца, чтобы запомнить его навсегда. «Я буду стараться, доченька, я буду стараться выжить... ради тебя». Анечка пускала пузыри и тыкала пальчиком в ее мокрые глаза. В комнату вошла пожилая санитарка, тетя Паша.

– Ну как ты, милая? – тетя Паша была одинокой и всем сердцем любила Ольгу и Анечку. Она была невысокая, круглолицая, с такой же круглой и мягкой фигурой. Черты лица у тети Паши были простые славянские, ничем не примечательные. Белый платок прикрывал ее извечную прическу – пучок на затылке. Движения Тети Паши были неторопливы и основательны, без лишней суеты. От нее веяло заботой и вековой женской мудростью.

– Тетя Паша, видишь, время мое пришло. Прошу тебя еще раз, не оставляй Анечку, сама ее к моим родителям отвези. Она к тебе привыкла. Чтобы в детдом не попала, когда меня не станет.

Тетя Паша взяла у нее ребенка, проверила ножки и спинку. «Холодные. Как бы ни застудилась». Посмотрела на Ольгу долгим взглядом, помогла ей подняться.

– Не гневи бога! Раньше времени на тот свет собираешься, – строжилась тетя Паша, потом вздохнула, уже мягче и тише сказала, – На все воля божья. Вспомни, какоть бывало: мы человека отпустить готовы, ан нет, он жить хочет и ведь живет. Так бывает, сама ить знаешь. Тебе жить надо.

Об другом не думай. Давай-ка, отдохни, я Анютку заберу, зябко тут у вас.

– Я смирилась уже, тетя Паша, будь, что будет..., Анечку береги. – Ольга легла в постель, закрыла глаза, всем своим видом выражая отрешенность.

В комнату вошла молодая женщина, врач. Она была в госпитале недавно.

– Ну что тут у вас? Как Вы, Ольга Семеновна? Хирург уже едет, поехали встречать его..., – она посмотрела на Ольгу сочувственно, хотела выйти, но встретилась глазами с Анечкой, замерла на секунду в дверях, уходя, полушепотом сказала:

– Господи, какой ребеночек-то красивый, сущий ангел, – наклонила голову к груди, перекрестилась, как бы тайком, мелким крестом, чтобы никто не видел. – Такие долго не живут.

Тетя Паша услышала ее слова, одними губами ответила: «Тьфу на тебя, зараза!».

Ольга не слышала, погружившись в свои мысли. Она вспоминала свою жизнь и все искала ответ на вопрос: за что? Мысленно просила прощения у всех, кого вспоминала. Лежа в полудреме, изредка открывая глаза, Ольга рассматривала убогую комнатку в серой штукатурке, как бы разделенную пополам. На половине вокруг ее кровати были только блеклые пузырчатые стены – глазу не за что зацепиться. На другой половине – иссиня-черное окно, замерзшее и припоро-

шенное инеем, желтая дверь, классная доска, вдоль которой на веревке развешаны детские вещи. Они были единственным цветным пятном на фоне коричневой школьной доски. «Вот, – думала Ольга, – там, где все цветное – это жизнь. Это мой ребенок, это радость и надежда, а там, где я – все серо-белое – это смерть. Никто не знает, что смерть серая, а я знаю...»

Перед операцией врачи, сестры и санитарки под разными предлогами заходили в палату к Ольге. Все знали, что операция будет тяжелой, и она может не выжить. С кем-то Ольга поговорила на прощанье, с кем-то не успела – спала. Когда Ольгу повезли в операционную, больные и раненные, вышли в коридор, стоя молчаливым забинтованным караулом, провожая ее в неизвестность. Многим из них она спасла жизнь.

Операция длилась несколько часов. Во время наркоза Ольге приходили разные видения. Странное было состояние. То ли сон, то ли явь. То ей казалось, что она слышит голоса хирургов. То будто она сама с кем-то разговаривает, то белый плотный туман надвигался на нее чудными образами, не давая смотреть и дышать. Туман рассеивался, она оказывалась в разных местах, знакомых и незнакомых. Ей хотелось остановить эту карусель картинок, но они менялись сами по себе. В очередной раз она увидела сквозь туман знакомый пригорок на берегу реки. Они любили там бывать с мужем. Ольга подошла к реке и увидела мужчину, сидящего на пригорке. Муж! Он был в военной форме. Сидел и курил. Ольга

бросилась к нему, хотела обнять, но он жестом остановил ее, не позволив подойти ближе. Кивнул, улыбаясь и прищуриваясь, как всегда, долго смотрел ей в глаза. Они умели так разговаривать, молча, просто глядя в глаза друг другу. Потом он встал, посмотрел на нее серьезно, слегка помахал рукой и отступил в туман. Силуэт его растаял. Пригорок утонул в белой пелене. Туман опять наполнил, клубясь, теперь он был похож на полупрозрачные облака.

«Мама, мамочка!» – Ольга обернулась машинально. К ней спешила незнакомая девушка. Она протягивала Ольге руки, подойдя ближе, обняла ее. Ольга оторопела, не понимая, что происходит. Что-то до боли знакомое было в ее облике: белокурые локоны, ослепительно-синие глаза, знакомая улыбка. Белое платье до пола с длинными рукавами струящейся тканью сливалось с облаками. «Она похожа на Ангела, – подумала Ольга, – только без крыльев. Наверное, я умерла».

«Ты не узнаёшь меня?» – девушка улыбалась. «Мамочка! Это я, твоя Анечка!». Ольга, все еще не понимая, смотрела на девушку, а та, не отпуская ее, прильнула головой к груди. «Ты – моя Анечка? – Ольга вглядывалась в знакомые и незнакомые глаза. – Когда ты успела так вырасти, доченька?». Девушка обняла ее крепче. «Я так люблю тебя! Помни это всегда, я очень-очень тебя люблю!». Ольга была растеряна, мучительно пытаясь понять происходящее. «Это сон?». Но она чувствовала прикосновения, видела близко родное лицо, как будто она давно уже знала эту девушку. Это ее

дочь, Анечка, только уже взрослая. «Похожа на ангела» — эхом пронеслось в мыслях, сердце защемило. «Мамочка, ты будешь жить. Моя любовь даст тебе силы. Ты должна жить». Девушка отступила на шаг, не отпуская ее рук, потом еще на шаг, держа одной рукой Ольгину руку. Потом еще на шаг. Ее лазурные глаза светились любовью. «Я очень тебя люблю, милая моя мамочка!». Она удалялась от Ольги, не отводя взгляда, грустно улыбаясь, и протягивая к ней руки, как будто ее уносило облако. Видения исчезли. Потом была долгая-долгая темнота. Болело сердце.

Операция прошла успешно. Опухоль оказалась доброкачественной. Ольга пришла в себя через сутки после операции. У ее постели верным сторожем сидела тетя Паша. Когда Ольга открыла глаза, та кинулась за врачами. Они вошли все сразу, несколько врачей и медсестер. Ольга смотрела на них сквозь пелену, она не могла разглядеть опухшие, красные от слез и полные ужаса глаза тети Паши.

Ольга спросила еле слышно:

– Она умерла?

Коллеги от неожиданности не могли вымолвить ни слова. Они готовились сказать Ольге, что Анечка умерла в одночасье во время ее операции от резко поднявшейся температуры, но хотели сделать это позже, когда ее состояние будет стабильным. Не дождавшись ответа, Ольга потеряла сознание.

После войны Ольга снова вышла замуж. У нее родились

две дочери. Ольга стала профессором медицины, работала, пока позволяло здоровье. До самой старости она получала письма от коллег и благодарных, спасенных ею людей.

В ее комнате на стене висели фотографии, заполняя почти всю стену. Там были родители, дети, внуки, сама Ольга, ее мужа и друзья, словом, все близкие ей люди. Среди фотографий был всего один рисунок карандашом, небольшой, в скромной рамочке: девушка с большими глазами и крупными локонами до плеч, за ее спиной – легким росчерком пера – плыли облака, напоминающие крылья.

БЕНЯ

Яков Моисеевич Штеккер был импозантным мужчиной в достойном возрасте, когда еще не думают о своих похоронах, но уже не планируют существенных перемен. Еще в ранней юности друзья прозвали его Беней, это имя так прилипло, что иногда он даже не откликался на Якова Моисеевича. Беня был образован, умен, хитер, изворотлив, предприимчив, словом, обладал всеми нужными качествами, чтобы стать подпольным миллионером. Большая часть его жизни прошла в Советском Союзе. Еще в молодые годы Беня выбрал деньги основным приоритетом. Конечно, он хотел бы заседать где-нибудь в Академии наук и участвовать в международных ассамблеях, но в свое время он скрупулезно исследовал вопрос развития бизнеса в стране и сделал свой выбор. Он защитил диссертацию, работал на стыке наук, имел множество связей, не говоря уже о том, что оказывал множество платных услуг в сфере бизнеса и коммуникаций. Серые доходы не позволяли шиковать, к тому же Беня не хотел выделяться и привлекать к себе внимание. Он начал зарабатывать в то время, когда компетентные органы еще незримо присутствовали в повседневной жизни. Времена изменились, но привычки остались.

Беня жил в хрущевке в трехкомнатной квартире, где у него была спальня, гостиная и рабочий кабинет. Отвечая

кому-нибудь на вопрос о собственной недвижимости, Бенья говорил, что у него трешка в широком центре Москвы. Что такое «широкий центр» никто не спрашивал, поэтому для всех Бенья жил в хоромах в самом центре столицы. В квартире у него была новейшая техника известных компаний, правда следует заметить, что Бенья никогда ею не пользовался. Ему было жалко пачкать посудомоечную машину, духовку, индукционную печь, и стиралку с сушкой немецкой навороченной модели, но в бытовых разговорах на работе он со знанием дела, вставлял свои замечания.

Каждое утро Бенья, видя себя в зеркале, здоровался сам с собой и видел в отражении молодого, жизнерадостного, очень умного человека с глазами цвета черной вишни, аристократически белой кожей, вьющимися черными волосами, плотной фигурой с пивным животиком, которым он по непонятной причине втайне гордился. Бенья улыбался сам себе, произносил вслух полную сумму своих сбережений по состоянию на последний день предыдущего месяца, подмигивал и шел умываться.

В один прекрасный день Бене показалось, что он слегка прибавил в весе. Бенья, с присущей ему щепетильностью, изучил досконально вопрос об обмене веществ и диетах, подобрал для себя нужный режим питания и через месяц он опять радостно себе улыбался, гордясь тем, что сбросил даже намного больше запланированного. Вопрос питания у Бени базировался исключительно на экономии. В молодости он ел

скудно, а в зрелости не стал менять привычки, хотя в гостях ел за двоих и слыл гурманом.

Беня относился к той категории людей, которые очень успешны в бизнесе, но совершенно инфантильны в личных отношениях и вообще в социуме. Личная жизнь для Бени была под запретом даже самому себе. Он всю жизнь прожил один, не считая детства и студенческого общежития. Родители рано умерли. В ранней юности он встретил девушку, они влюбились, встречались и дело дошло до знакомства с родителями. Беня готов был жениться и содержать семью, ведь он уже тогда зарабатывал нелегально большие деньги. Но мир рухнул, когда любимая сообщила, что родители категорически запретили даже встречаться «с этим поцом», поэтому замужество вообще не рассматривалось. Девушка любила Беню, но все же бросила его, пролив не мало совместных слез. Беня допытывался у девушки, в чем причина, чем он так не понравился родителям, ведь он достойный человек, крепко стоящий на ногах. Девушка сдалась и рассказала, что главная причина в том, что он «не прошел священное лоно еврейской матери». То есть он был не чистокровным евреем, а только наполовину, поскольку отец его был евреем, а мать поволжской немкой.

Для Бени это был неожиданный хук, и он с присущей ему скрупулезностью изучил свою родословную, но в какой-то момент решил изучение прекратить, потому что чем дальше, тем больше вызывала сомнение чистота его кровей. К нации

немцев Беня себя не относил, во-первых, с такой фамилией не попрешь, во-вторых, родственников по матери он не знал, а в-третьих, немцы ассоциировались с фашизмом и холокостом. Поэтому до встречи со своей первой и последней любовью, Беня считал себя настоящим евреем и особо не волновался по этому поводу, даже находил в этом ряд преимуществ, например, не надо было вступать в коммунистическую партию. Где-то внутри, национальность его радовала, а принадлежность к избранному народу соответствовала его амбициям.

Так, его первая любовь, сама того не зная, вложила Бене комплекс неполноценности прямо в середину мозга. Он, как червяк, точил мозг и откусывал по кусочкам серое вещество. Иногда он просто жрал Бенин мозг днем и ночью, иногда затихал, пока какой-то внешний фактор не будил этого паразита. Последний приступ чувства неполноценности накатило на Беню, когда вышел фильм «Гарри Поттер и принц-полукровка». Фильм Беня не смотрел, но названия ему хватило, чтобы впасть в уныние.

После той истории Беня не заводил романов и не пытался жениться, оценив вскоре преимущества самостоятельного существования. Он всячески убеждал себя, что жить одному очень комфортно. Ведь он обладает абсолютной, полной свободой, ему не приходится подстраиваться под кого-то, ему не нужно думать о другом человеке. Он хозяин своей жизни, своего времени и своих желаний. Иногда на него напада-

ла тоска, особенно, после просмотра какой-нибудь мелодрамы или вдруг нахлынувших воспоминаний. Были женщины, которые ему нравились, но ни разу он не был влюблен, как прежде. А представив, что из-за какой-то женщины придется менять свою жизнь, Бенья впадал в еще большую тоску, чем от воспоминаний, и прекращал даже думать о возможности отношений. Вступив в зрелый возраст, он вовсе обленился. Насчет «стакана воды», который ему никто не подаст, Бенья не беспокоился. У него было достаточно средств, чтобы в глубокой старости стаканы стояли к нему в очередь. В состоянии крайней тоски Бенья размышлял о домашнем питомце, но никто не смог пройти отбор: кошек Бенья ненавидел, собак боялся, а птички вызывали раздражение. Прочие «твари», как он выражался, в конкурсе не участвовали.

Бенья вел довольно замкнутый образ жизни. С семейными знакомыми он не общался в свободное время по внутренним этическим соображениям, одиноких к себе не допускал. Встречаться с людьми можно в общественных местах, не обязательно приглашать их домой, слава богу, время такое наступило. Из близких родственников у Бени была только старшая сестра. По паспорту она была Рахиль, но все звали ее Рая. Сестра была очень умна, но, как считал Бенья, она себя не реализовала, поскольку неудачно вышла замуж за простофилю, который не умел зарабатывать, тянула семью сама. Кроме того, она не могла иметь детей и не переставала страдать по этому поводу. Бенья, конечно, любил сестру

и жалел ее. Но никогда не помогал ей и старался встречаться как можно реже. Втайне он считал, что, возможно, она даже умнее его. Каждый раз на очередном дне рождения, Рахиль подкалывала его очень изощренно и, не давая времени ответить, переключалась на другое, так что Бенья только успевал вместо совместного смеха выдавить из себя «кхе-кхе», потом разрабатывал в мозгу план мести, выдумывая ядовитую шутку. Применить ни то, ни другое Бенья так и не успевал, вскоре получал следующую порцию подколок. Даже производственные трудности не выбивали его из колеи так, как родная сестра.

Счет на подколки был примерно десять к нулю в пользу Раи. И однажды Бенья сам себе признался, что он сестру ненавидит. Ему даже полегчало. Но все же Бенья тщательно подготовился к реваншу, который наметил на столетний юбилей любимой бабушки, но Баба Циля умерла, не дотянув полгода до ста лет, и у Бени пропал шанс отыгаться. На похоронах шутить как-то не уместно. Подготовленные ядовитые шутки и подколки отравляли самого Бенью. Ненависть к сестре была у Бени вторым пунктиком после вопроса чистоты крови.

Одним прекрасным утром Бенья подошел, как обычно к зеркалу, с утра ему пришла в голову хорошая шутка, которая могла бы позлить сестру и он, видимо, не успел перестроиться на свой обычный утренний манер, потому что вдруг увидел в зеркале совершенно незнакомого человека. Какая-то пелена спала с глаз Бени, и он увидел себя в цифро-

вом изображении с повышенной четкостью. Беня стал при-
сматриваться к человеку в зеркале. Так женщина замечает
вдруг морщинку на лице и начинает уделять ей больше вни-
мания, чем всей своей семье. У человека в зеркале было
столько морщин, что впору уйти в монастырь и там их раз-
глядывать. Волосы его поникли засаленными веревками, ко-
жа на шее была морщинистая, с множеством родинок, кото-
рые он раньше не замечал.

Беня был напуган. Он разделся, осмотрел себя со всех сто-
рон, расстроился еще больше. Замечательное похудение сыг-
рало с ним злую шутку- кожа обвисла. Спортом Беня отро-
дась не занимался, ему хватало шахмат для очистки сове-
сти. Живот тоже отвис и наступал уже на ту часть тела, ку-
да обычно показывает галстук. Беня решил пойти до конца
и хорошенько разглядеть себя со спины. Потратив немало
времени для установки зеркал Беня наконец, увидел свой об-
висший зад, дающий фору двум шарпеям.

Кто рассматривает свое седалище, получает неизгладимое
впечатление. Особенно, если вид сзади и снизу, как это сде-
лал Беня. У него началась паническая атака. Пульс забился
в истерике, выступил пот, перехватило дыхание. Беня шу-
пал себя за все места, сидя на полу и прислонившись к кро-
вати. Он употребил все матерные выражения, которые знал,
несколько раз и в разной последовательности. Мыслей в го-
лове не было. Только зад бабы Цили почему-то пришел ему
в голову. А дальше только шок. «Я подумаю об этом зав-

тра» – процитировал Бенья героинею известного романа и поплелся на работу, пришибленный открытием самого себя.

На работе никто ничего не заметил, потому что Бенья всегда ходил с немойтой головой, в мятой рубашке и зажеванных брюках. Сосредоточенное выражение лица было свойственно Бене. Но сегодня он был особенно сдержан. Он пытался сделать выводы из увиденного, понять, как это повлияет на его жизнь. Тут его ошпарила мысль, что такая перемена неспроста, и возможно, здоровье ему досталось не по отцовской линии, не от бабы Цици, а по материнской. Мать умерла давно, не успев состариться. Бенья начал лихорадочно припоминать все болезни до седьмого колена по линии отца и по линии матери. Нашел у себя парочку симптомов. Не успев додумать мысль о возможных заболеваниях, он впал в ступор, его буквально обожгла мысль: кому достанутся его подпольные миллионы, если он вдруг умрет. Перед глазами возникла ехидная улыбочка сестры.

Бенья застонал. Рахиль не знала о его богатстве, он представил, как она поразится, когда узнает. Она, конечно же, пожалеет, что была к нему несправедлива, что изводила его шуточками. Но тут он представил, что на чтении завещания она узнает, что ей не досталось ни копейки. О, он много отдал бы, чтобы увидеть ее рожу в этот момент! Но стоп!

Она старше его, она должна умереть раньше! В мозгу у Бени сделалось короткое замыкание. Он хотел увидеть рожу сестры на чтении завещания и при этом он должен ее пе-

режить. От этих мыслей Бенья совсем заболел. Пытался отогнать эти мысли, но ничего не получалась. Он видел картинку похорон на еврейском кладбище, но в гробу по очереди лежал то он, то сестра. Бенья плюнул и поплелся домой, прихватив по дороге банку маринованной селедки, порезанной кусочками, и полбулки черного хлеба.

Дома Бенья постелил газетку на деревянный стол, сняв предварительно скатерть, и приступил к трапезе. Бенья называл это «душа селедки просит». Сидя за столом с селедкой, черным хлебом и очень сладким, очень горячим чаем, Бенья чувствовал себя вне времени. Он был в этот момент молодым, вся жизнь его была впереди, и в зеркало он не смотрел.

Сеанс селедочной психотерапии прошел успешно. Бенья пришел в равновесие. По телевизору передавали новости, в частности, о том, что погиб человек, подходя к подъезду – на него упала сосулька.

«Сосулька, кирпич, метеорит», – подумал Бенья. Он решил, что нужно всерьез заняться вопросом о наследстве. О сестре он больше не думал. Теперь Бенья с присущей ему щепетильностью решил рассмотреть научные организации и фонды, которые достойны его капиталов.

В рабочее время Бенья был занят, но все вечера он проводил за изучением подноготной ведущих корпораций. Не найдя достойных претендентов, он переключился на стартапы в стране, затем на научные организации и университеты и, наконец, на дома престарелых и детские дома.

Унылая картина последних совершенно расстроила Бенью. Бедные детишки, у которых воруют все, кому не лень, вызывали у Бени сострадание. Но желания отдать что-то даже после смерти не возникло. Мысль усыновить ребенка когда-то однажды приходила ему в голову, но он быстро ее удавил. Чем больше он читал о детских домах, тем больше его одолевала мысль, что самым достойным наследником может стать только родной собственный ребенок.

Мысль о том, чтобы жениться отпала сразу- Бенья помнил зеркало заднего вида. Возраст уже не тот, да и менять свою жизнь Бенья по-прежнему не хотел. Чужая женщина в доме, у которой могут быть родственники, совершенно не вписывалась в картину мира Якова Моисеевича Штеккера. Хотя, с присущей ему скрупулезностью, он изучил вопрос брачного договора, прав и обязанностей сторон, провел опрос среди всех знакомых, выявил грозящие ему убытки и недостатки. Преимущества Бенья не рассматривал.

Поняв, что одному не справиться, он решил посоветоваться с единственным человеком, которому он не доверял чуть меньше, чем всем остальным – со своим юристом Сергеем Потрахиным.

Потрахин был известный человек в узких кругах, был не менее изворотлив, чем Бенья. Сам про себя он говорил: «Я такой хитрый, что прекрасно чувствую себя среди евреев». Фамилия его вызывала улыбочку у всех, кто впервые ее слышал, но Потрахин не думал ее исправлять на более звучную,

хотя бы потому, что однажды встретившись, люди его не забывали, как раз благодаря фамилии.

Яков Моисеевич назначил встречу с юристом, изложил подробно свои измышления и предложил юристу изучить вопрос и что-то ему посоветовать. «Надо сесть и крепко думать», – завершил свою речь Яков Моисеевич.

– Да что тут думать, – выпалил юрист. – Суррогатное материнство – вот веяние времени. От вас только деньги, ну и еще одна малость, ну вы понимаете.

Яков Моисеевич сконфузился, но не от намека, а от того, что эта мысль ему первому не пришла в голову.

– Хорошо. Я тебе задачу поставил. Ты давай, изучи вопрос. Доложишь мне и будем предпринимать шаги для решения вопроса. Главное, рассчитай расходы.

На том они расстались. Но Беня тут же принялся со свойственной ему скрупулезностью изучать вопрос суррогатного материнства, а главное подсчитывать расходы на всю процедуру и последующее содержание ребенка. После этого он изучил вопрос отцовских чувств, родительской любви, проблем переходного возраста и стоимость образования в России и за рубежом.

Оказалось, что для рождения ребенка суррогатной матерью нужна кругленькая сумма. Но вот сюрприз, еще придется нанимать кухарку, потому что минимум до пяти лет ребенка нельзя кормить одними бутербродами. Еще понадобится домработница, стирать одежду и делать уборку

все равно придется. А также нужно нанять няню, так как Бенья не представлял, что нужно делать с ребенком вообще и в частности. Потом придется оплачивать детский сад и школу, няня при этом никуда не денется. Бенья досчитал расходы до четырнадцати лет. Дальше считать не стал, так как был уверен, что к этому возрасту ребенок уже будет зарабатывать сам. По крайней мере он ему подскажет, как это делать.

Увидев сумму со множеством нулей, Бенья отложил расчеты на край стола, взял чистый лист бумаги, начал считать заново, пытаясь уменьшить затраты в какой-либо части схемы.

Чем больше Бенья углублялся в решение вопроса, тем большая сумма у него получалась. К четвертому варианту расчета он уже включил в затраты музыкальную школу и языковые курсы. К пятому варианту он уже любил своего ребенка так сильно, что отвел его на фигурное катание.

Шестой вариант получился самый дорогой, потому что Бенья прибавил еще десять процентов на случай, если родится девочка. На этом Бенья бросил считать, разложил веером листочки на своем рабочем столе, пошел спать, чувствуя неведомую раньше теплоту в сердце от заботы о будущем ребенке.

Бенья лежал на подушке и с умиротворением ощущал себя меценатом и практически отцом. Впервые в жизни расходы не были для него растратами. Тут опять выплыла физиономия сестры, но без четкого выражения лица, потому что Бе-

ня пока не представлял, как она к этому отнесется. Вот тут уж Бенья точно ее переплюнет! И он представил пятый вариант расчетов, увеличил статус школы, в которой будет учиться его отпрыск.

Сказать, что Бенья был жадным, не сказать ничего. Сам о себе Бенья думал, что он очень бережливый. И аккуратный. Он искренне считал, что незачем покупать другие вещи, если эти еще в хорошем состоянии. Надо сказать, что носил он их действительно очень аккуратно, как будто они просто висели на вешалке. Однажды ненавистная сестра устроила посмешище и сожгла при всех его любимые штиблеты, которые он носил восемнадцать лет. Подошва у них стерлась, образовались дыры, но до ноги еще носить и носить! У Беньи был тридцать восьмой размер ноги и достать приличную обувь всегда было проблемой. У сестрицы же, наоборот, был сорок второй размер ноги и Бенья был уверен, что она ходит по магазинам с мужской обувью и разрывается от черной зависти.

Следующая встреча с юристом была назначена через неделю. Каждый день Бенья подходил к рабочему столу, смотрел на варианты расчетов, и не мог присесть, потому что его лицо начинало непроизвольно выдавать какую-то конвульсивную симфонию – сначала прищуривался правый глаз, потом изгибались в гримасе губы, потом прищуривался левый глаз, голову вело на бок и Бенья отступал. Потом все повторялось снова. Тогда он обосновался на кухне и снова считал, теперь

уже по отдельности, няню до семи лет, кухарку до пяти лет, убирал кружки и языки. Потом начинал снова. Няня стоила почти миллион в год, домработница чуть поменьше, кухарка тоже, чуть поменьше, если приходящая. Цифра никак не падала меньше нескольких миллионов. Бенья понимал, что этот рубеж он должен преодолеть, иначе сестра будет плясать на его могиле.

Юрист Потрахин прислал по электронной почте различные варианты по оплате суррогатной матери. Тут для Бени был еще один сюрприз:

– Твою же мать, оказывается, надо содержать все девять месяцев, – обратился Бенья к будущему ребенку.

Устав от всех расчетов, Бенья так и не смирился с неминуемой потерей денег. При этом он десятым чувством понимал, что вложение денег должно каким-то боком вылезти ему выигрышем, но вот каким и в каком виде, Бенья постичь не мог. Он довольствовался выражением «Я буду продолжаться в своих детях» и больше не изучал эту сторону сделки.

На запрос юриста Бенья ответил, что будет думать. Отложил встречу еще на неделю, которую провел в мучениях и расчетах. Потрахин опять прислал информацию, теперь уже с конкретными предложениями. Предстояло выбирать.

Однажды ночью решение пришло в голову Бени. Он чуть было не заорал «Эврика», но тут же осекся, поэтому получилось «Эээ...х!». Никакого открытия он не сделал, а про-

сто примерил на себя многовековой способ, которым пользуются миллионы мужчин во всем мире, в той или иной мере, прикрывая чувствами или нет, этот метод бесплатного домашнего сервиса – бытового рабства жен.

Когда, наконец пришло время встречи и Беня пришел в офис к юристу Потрахину в хорошем настроении, он был готов притворить новое решение в жизнь. Потрахин чувал большие комиссионные и знал, что надо ковать, пока горячо.

– Давайте Яков Моисеевич, обсудим все здесь у меня в кабинете, а потом уж поедем в агентство для конкретного варианта.

– Знаете, Сергей, я передумал. Я сам все посчитал и решил, что суррогатная мать мне не нужна. Это очень дорого. Экономически не выгодно.

Яков Моисеевич наслаждался реакцией юриста и продолжил.

– Ваше время, затраченное на изучение вопроса, я, разумеется, оплачу. Но я ставлю вам другую задачу. Займитесь брачными агентствами. Найдите мне женщину, которая согласится выйти за меня по расчету, то есть бедную, без капитала. Это принципиальное условие. Второе условие, она должна родить мне ребенка, поэтому проследите за ее здоровьем. Третье условие, она должна быть сирота или с минимальным набором родственников. Главное, поясните мне юридический аспект. Когда через несколько лет я с ней разведусь, я смогу оставить ребенка себе? Ее оставим ни с чем,

поскольку я в это время буду работать и зарабатывать деньги, а она будет сидеть дома. Таким образом я сэкономлю около семи миллионов за первые пять лет, и больше в последующем на кухарке, домработнице и няне. Но главное, что должно звучать на суде, что она вышла за меня по расчету.

Потрахин забыл на долю секунды, что надо следить за лицом. Но Яков Моисеевич Штеккер успел прочитать все, что тот думает о нем, о его заднице, о бедной женщине и о несчастном, а возможно счастливом ребенке.

На тему счастья ребенка Бенья еще не успел подумать, а именно в этот момент он решил, что надо изучить этот вопрос с присущей ему скрупулезностью.

Потрахин свое дело знал и вскоре предложил Штеккеру несколько вариантов. Девушки и женщины детородного возраста, согласные родить ребенка богатому пожилому мужчине, поместились в увесистой папке. Штеккер долго выбирал и остановился на девушке-сироте из далекой сибирской деревни. Она была миловидна, со средним образованием. Денег и жилья у нее не было. Родственников тоже. Потрахин с ней познакомился, сводил к психиатру, выкопал все сведения, какие только мог, с чистой совестью сдал девушку Штеккеру.

Девушку звали Анна Петровна Иванова. Найти еврейку Бенья даже не мечтал. Поэтому легко согласился на Иванову. Когда Штеккер объяснил ей, каковы его мотивы для женитьбы и что ей предлагается фиктивный брак, а соответственно,

брачный договор, девушка не удивилась, она знала об этом от Потрахина. Попросила только, когда будет возможность, пойти учиться в институт или техникум. Беня согласился на это с формулировкой «когда будет возможность».

После соблюдения всех формальностей, Анна поселилась в большой комнате и приступила к обязанностям домработницы. Множество семейных пар ведут нестандартный образ интимной жизни и вполне этим довольствуются, лишь бы никто об этом не знал. Так и Беня не планировал совместного пробуждения и секса, поэтому зачатие ребенка производилось искусственным путем. Ко всему другому Беня постепенно привыкал.

Комнаты теперь проветривались, ужин всегда был готов, хоть и не бог весть какими разносолами, все лучше бутербродов. Беня постепенно привык к наваристому борщу и котлеткам. Пироги, блины и оладушки вообще навевали воспоминания детства. Так Беня постепенно становился семейным человеком.

Аннушка всю свою жизнь прожила в Сибири, в городке, где время остановилось. Она и не мечтала попасть в Москву, в широкий центр столицы, да еще родить ребенка, которому обеспечена достойная жизнь. У Анны было трудное детство, которое научило ее ценить хорошее. Поэтому она воспринимала свою работу по дому как нечто естественное, и радовалась тому, что она у нее есть, благодарила бога, что послал ей такого хорошего человека как Яков Моисеевич.

Анна не считала себя красивой, да и умной тоже не считала, но гений женской мудрости не имеет ничего общего с женским умом, а живет где-то в душе, а душа у Аннушки была светлая и радоваться она умела. Аннушка видела, что нужна Якову, и не торопилась что-то менять. Кстати, она звала мужа сначала Яков Моисеевич, потом для краткости просто «Моисееич», что позже превратилось в «Моисеич-ку», от чего Бенья втайне просто млеет.

Свою женитьбу Бенья скрывал от сестры, чтобы не подставляться под ее издевки. Решил сообщить ей, когда родится ребенок, предвкушая свой триумф.

В положенное время родился ребенок, мальчик. Штеккер забрал жену из роддома, очень волновался перед встречей с наследником. Бенья решил назвать ребенка Давидом. Он ждал возражений от Анны Ивановой и даже подготовил убедительную речь на тему, кто в доме хозяин. Но Анна на удивление согласилась:

– Очень хорошо, так звали моего дедушку.

Бенья сглотнул.

– Дедушка был Давид Иванов?

– Нет, дедушка был Давид Моисеевич Рабинович. Иванова я по отчиму, он меня удочерил. Мама два раза была замужем.

Метаболизм в организме Бени приостановил свою работу. На долю секунды, иначе Бенья не узнал бы всю историю.

– Моих предков сослали из Польши после восстания

в Восточную Сибирь. Маленькая деревня там. Много ссыльных было. Моя прабабушка Ольга Левинская, родилась уже в России, замуж вышла за Якова Когана, они жили рядом, тоже были польские евреи. У них дочка родилась – Маша. Коган ушел золото мыть, чтобы семью прокормить, да и пропал там. Хунхузы его убили, как говорят, китайские бандиты. Он совсем молоденький был. Золото отобрали и убили. Бабушка Маша выросла в деревне. Там она замуж вышла за дедушку Давида Рабиновича. Он умер рано, от туберкулеза. Мама только родилась, других детей не было. Поэтому мама одна без братьев и сестер. А мама замуж вышла за моего отца в Чите, он тоже еврей. Смешно так, он Семен Рабинович, как прапрадедушка по папиной линии. Однофамилиц, а может родственники. Папа умер, когда мне шесть лет было. Мама второй раз замуж вышла. За Петра Иванова. Очень хороший человек был. Мама умерла при родах. Ребенка тоже не спасли. Я с дядей Петей жила. Он мне как отец был. Удочерил меня. Потом он тоже от болезни умер, я одна осталась. В училище поступила, там общежитие давали. Ну вот, вкратце все. Поэтому я - Анна Петровна Иванова. И в свидетельстве о рождении записаны все, как Ивановы. А у мамы все документы пропали. Сельсовет сгорел, документы восстановить невозможно. Она за пенсию переживала, да вот не дожила.

Пока Анна все это рассказывала Бенья не дышал. Перед ним чередой шли известные еврейские фамилии. У него бы-

ло ощущение, что сама Дева Мария снизошла к нему и явилась в образе Анны Ивановой, дочери Марии Рабинович.

– А ты Потрахину все это рассказывала?

– Он не спрашивал, сразу сказал, что словам не верит, будет документы проверять. Проверил, наверное.

С этой минуты Бенья превратился в заботливого и услужливого отца и мужа.

Его жизнь приобрела смысл и наполненность важной миссией. Теперь «Моисеич-ка» слышалось ему просто как Моисей. И счастье наполняло стареющее сердце.

С сестрой Бенья примирился, пригрозив ей, что не даст видиться с племянником, если она не оставит свои шуточки. Сестра онемела.

С Анной Бенья постепенно сблизился духовно и готовился к спокойной старости. Давидик рос на редкость смышлёным и способным, опережая в развитии своих сверстников. Бенья не мог нарадоваться на сына. Изучая вопрос повышенных способностей у детей, среди прочих он выявил большую разницу в возрасте зрелого отца и молодой матери. Бенья даже подумывал о рождении второго ребенка. Но тратить на няню и домработницу не собирался. Его прежние намерения в корне изменились. Теперь он не только не хотел изгонять Анну, но и боялся, что ей придет в голову от него уйти. Теперь ему по-другому виделась его прожитая жизнь. Он познал горечь одиночества, чтобы теперь оценить семейное счастье и чудо воспитания гениального сына.

Беня с чувством важности исполненного долга написал завещание, включил в него крошки для сестры, кусочек Анне, остальное завещал сыну, который еще не скоро узнает, что он миллионер.

Только однажды его старая жизнь ворвалась в новую, когда Беня сознательно разрушил счастье своего сына, запретив ему жениться на русской девушке.

Беня притянул сына за грудки, воткнул свои зрачки в его глаза и прошипел:

– Она не прошла священное лоно еврейской матери!

Уж этот вопрос Беня давно изучил досконально, с присущей ему скрупулезностью!

ШАНС

Аркадий стоял в очереди. В Америке очереди бывают редко. Разве что в Макдоналдсе, да и то в обеденный перерыв. Вот там он и стоял. Он давно живет в Штатах. Все очень сложно, тяжело, но все делается ради лучшей жизни, ради обеспеченной старости. Хотя, до старости можно и не дожить.

Он образован, умен, кандидат наук, хорош собой, следит за здоровьем. Хотя бы то, что он сумел уехать из России, получить возможность жить в свободной стране – одно это характеризовало его как незаурядного человека.

Он сможет обеспечить нормальную жизнь всей своей семье. К слову сказать, в Америке он для всех русский. В России – еврей, в Америке – русский. Аркадий уже довольно сносно говорил по-английски, нашел неплохую работу. Чувствовал себя американцем.

Очередь продвигалась довольно быстро. К кассе подошел мужчина, протиснулся сквозь очередь, прищурился, пытаясь разглядеть цены. Видимо, у него было плохое зрение. Очевидно, что разглядеть ему ничего не удалось, мужчина оглянулся, оглядел очередь и обратился к Аркадию на чистейшем русском языке:

– Слушай мужик, я ни черта не вижу, очки разбил, помоги мне заказ сделать!

Аркадий оторопел. Как мог этот подслеповатый мужик понять, что он русский? Одет Аркадий так же, как все американцы. Он ничего не говорил, стоял молча. Мужик даже с плохим зрением, ни минуты не колеблясь, признал в нем человека из России. Аркадию хотелось забыть о России, никому не говорить, что он «русский», но его упорно узнавали соотечественники. Он не мог понять – почему? Это его бесило.

– Как ты узнал, что я русский?

– Черт его знает. Не знаю. По взгляду, наверное.

– Ты ж не видишь ни фиги.

– Ага.

Заказ, конечно, сделать помог. Пообедали вместе, поговорили. У эмигрантов всегда есть темы для разговоров. Все начинают говорить на смешанном языке – русский с английскими словами.

– Что, лиценс получил уже? (Лиценс – водительские права, являющиеся также удостоверением личности).

– Да, с этим быстро. Соушел секюрити пока не дали, жду. (Соушел секюрити – индивидуальный социальный номер жителя США).

Аркадий гордился тем, что он быстро доказал на собеседовании, что его притесняли в России на национальной почве. Не дали место на кафедре, не принимали в партию, не дали возможности написать и защитить докторскую диссертацию. Он сразу получил убежище и гражданство.

Жена с ним ехать отказалась. Решили оформить развод. Сын поехал с ним вместе, дочь приехала год спустя. Аркадий оплачивал обучение обоим детям. Кредиты позволяют это делать. Сын женился на американке, у них родилась дочь. Теперь сын с семьей живет отдельно, дочь вышла замуж и уехала в другой город.

Аркадий уговорил свою пожилую мать переехать к нему в Америку. Отца уже не было в живых. Она согласилась не сразу. Когда дети разъехались, к Аркадию приехала мать. Жизнь более-менее устоялась. Можно было подумать и о личной жизни. Женщины всегда интересовались Аркадием. Он мог выбирать. Но Аркадий не торопился. В России осталась его молодая подруга. Он надеялся, что она приедет к нему насовсем. Но тщетно.

Через два года у матери стали проявляться признаки страшной болезни. Болезнь Альцгеймера. Человек забывает все, в том числе, свое имя, свой адрес, своих близких, при этом остается в полном физическом здоровье, обуреваемый кипучей жадной деятельностью. Болезнь прогрессировала, оставлять мать одну было опасно. Через некоторое время пришлось поместить ее в клинику. «Если будете сами за ней ухаживать, то можно будет меньше платить за содержание». Так его жизнь превратилась в однообразную череду дней с жестким графиком: клиника – работа – клиника – сон – клиника- работа – клиника – сон. Попытки устроить личную жизнь отпали сами собой. Так прошло шестнадцать

лет. Похороны матери сильно увеличили его долги.

Дети живут своей жизнью, Аркадий живет один, снимает квартиру, выплачивает долги по кредитам за обучение детей. С его зарплатой это тяжело, приходится во многом себе оказывать. Но детям в голову не приходит, что нужно помочь отцу с кредитами, а сам он об этом никогда не попросит. Он уже готов к тому, что закончит свою жизнь в одиночестве. Он даже заранее забронировал себе квартиру в доме престарелых.

Анна познакомилась в Аркадием, когда приехала в гости к своим американским родственникам. Русская диаспора общается в основном вокруг русской церкви. Там можно увидеться практически со всеми, туда обращаются, когда нужна помощь. Некоторые просто приходят по воскресеньям, чтобы пообщаться или бесплатно пообедать.

Анна жила в Москве, работала в крупной компании, хорошо зарабатывала. Одна воспитывала сына, образ жизни был таков, что заводить отношения не получалось, хотя Анна была привлекательной женщиной, с пышными русыми волосами и неплохой фигурой. У нее были выразительные глаза, заразительный смех и тонкое чувство юмора редко присущее женщинам. Московский ритм жизни, ненормированный рабочий день, постоянный недосып, все это приводило к дикой усталости, так что на личную жизнь не было времени, да и не было сил. Сын учился в школе, был очень смысленый, взрослый не по годам, он был ей и ребенком, и другом.

Вырваться в Америку удавалось не всем, родственники пригласили Анну и она, с трудом отпросившись у начальства, улетела в далекие края, не строя планов относительно Америки, но планируя побывать в разных местах и победить хроническую усталость. В России оставались родители и сын, так что мыслей об эмиграции у Анны не было, хотя все знакомые считали, что она не вернется.

Анна охотно заводила знакомства, ездила по гостям, по магазинам. В выходные обычно отдыхали семьей. Анне была интересна жизнь эмигрантов, психология людей, которые уехали со своей родины, решились на такой поступок. Анне казалось, что все люди, которые прошли через это, незаурядны. Они совершили поступок. На это надо решиться, надо предпринимать какие-то действия, идти к цели. Одна женщина поразила ее рассказом о себе, она семь раз получила отказ консула, так как он считал, что она потенциальная эмигрантка. На восьмой раз ей дали визу, и она оправдала опасения консула – уехала, чтобы не вернуться никогда и прошла все круги ада нелегального эмигранта. Но теперь получила статус и счастлива в этой стране. Большая часть эмигрантов долго добивалась и с большим трудом попала в страну и Анна, не желающая остаться, вызывала у всех недоумение.

Родственники Анны попали в Америку из-за болезни сына и так долго его лечили, что возвращаться в Россию просто не захотели. На кону была жизнь ребенка.

Так гуляя по магазинам в обычный будний день, Анна зашла в Макдоналдс, чтобы пообедать, там увидела Аркадия. Они уже были знакомы, впервые увиделись в русской церкви на венчании у общих знакомых, потом у других знакомых обедали в большой компании. Аркадий увидел Анну и приветливо помахал ей рукой. Она не хотела подходить, когда заметила его, но после такого приветствия отступить было некуда.

Аркадий заехал в их городок, когда ездил по своим делам, так он сказал Анне. Она рассказала, как проводит время, сейчас так нагулялась, что зашла в Макдоналдс не только поесть, но и дать отдых ногам. Слово за слово, Аркадий пригласил ее в гости. Она с удовольствием согласилась. Аркадий вызывал симпатию и было понятно, что она у них взаимная. Часа полтора они провели в дороге к его дому, весело болтая на разные темы.

Квартира, в которой жил Аркадий, была небольшая, хотя и трехкомнатная. Прихожая, переходящая в гостиную, – самая большая комната. Две небольших спальни, из гостиной вход в маленькую кухню. Коридоров практически нет. «Втроем было тесно» – подумала Анна, представляя, как Аркадий жил здесь с двумя детьми. Дома в Америке вообще кажутся карточными домиками. Стены тонкие, здесь не бывает лютых морозов. В квартире стены тоже тонкие. Слышно все, что говорят в соседней комнате.

Они сидели в уютном уголке гостиной в креслах, пили

чай. Зимой темнеет рано. Анна очень устала за этот долгий магазинный день, зимний вечер казался ей глубокой ночью.

– Теперь, молодая и красивая дама может открыть мне тайну, почему она одна?

Анна уже рассказала Аркадию, что живет с сыном. Мужа нет. Работает, как заведенная, по десять часов в день.

– Я не знаю, почему. Наверное, что-то во мне не так. Мужчины меня боятся. А вообще-то мне так больше нравится!

Аркадий рассмеялся. Он запрокидывал голову, когда смеялся. Говорят, что так делают люди с открытым характером.

– В это я ни за что не поверю. Никто не хочет быть одиноким. Каждый человек на Земле пытается найти себе пару. Это заложено первобытными инстинктами. Никто не может объяснить природу этого явления. Все философы земли бьются над этим вопросом. Ты сто раз будешь говорить, что хочешь быть одна, а в душе все равно будешь ждать своего мужчину. И более того, непрерывно искать его, явно или не явно.

Анну задели его слова. Как будто царапнул по самому чувствительному месту. Он был прав, хотя она сама себе не хотела в этом признаваться. Аркадий ей нравился. Может быть еще больше, потому что не старался ей понравиться, а вел себя по-дружески и непринужденно.

Он был выше среднего роста, немного полноват, но как-то равномерно, без круглого живота, как бывает у полных мужчин. Волосы, седые, завиваются мелкими локонами. На лбу –

залысины. Кожа, как у всех американцев, живущих на побережье – ни одной морщинки и вечный загар, голубые глаза. Возраст определить невозможно. Правильные черты лица, тонкие очки – интеллигент.

– Ты кусаешься? Почему тебя нужно бояться? Или пытаешься сразу показать, какая ты умная? А мужики от тебя отлетают, видя, какая ты неприступная. Строишь на них свысока или как на мебель?

– Как на электроприборы! – она внутренне разозлилась. «Как он может знать, видя меня чуть ли не в первый раз!». Заставив себя улыбнуться, она старалась говорить как можно мягче. – Знаю, знаю, что ты сейчас скажешь. Но «я не настолько умна, чтобы казаться дурочкой».

Аркадий опять рассмеялся, у него было хорошее настроение.

– Анечка, девочка моя, ты, когда мышь увидишь, боишься?

– Да, я мышей боюсь, визжать начинаю.

– А ты представляешь, как она тебя боится?

– Я тебя, умоляю, Аркадий! Уж не сравниваешь ли ты мужиков с мышками?

– Нет, но ситуация похожая. Ты боишься, а он еще сильнее боится. Ты красивая, умная, неприступная, а мужчина идет только на «зеленый свет». Если ты на него не строишь, не улыбаешься, его шуткам не смеешься, для него это как «красный свет». Понимаешь?

– Я понимаю. Но я кокетничать не умею. Я пробовала, не получается. Чувствую себя при этом полной дурой.

– Кокетничать надо. Обязательно. У тебя получится. У тебя хорошая улыбка. Тебе нужно совсем немного. Посмотри на парня. А про себя подумай: ты – славный малый, good guy. Чуть-чуть улыбнись, только краем рта. И все. – Аркадий наклонился к ней, выпучил глаза, – Шлагбаум открыт. И люди, как говорится, к тебе потянутся!

Аня засмеялась. Представила шлагбаум, за которым она стоит, а по ту сторону шлагбаума куча молодых людей. Рассказала об этом Аркадию.

– Живое у тебя воображение.

– Да, знаешь, у меня «сверхвоображение» и чувствительность ненормальная. Люди матом ругаются, а я все представляю. Не специально – картинки сами мелькают. Ужас. Если смотрю фильм про войну – рыдаю, потом неделю в себя прийти не могу. Меня это выбивает из колеи. Как будто меня растрясли, как шарик, в котором снежинки летают над домами. Пока снежинки не улягутся – я вся разбитая. Так и на работе. Расстраиваюсь, если что-то не так, как будто это мой бизнес.

Аркадий слушал внимательно и улыбался. Он давно разглядел ее стройную фигуру, и красивые глаза, еще в предыдущие встречи. И заехал в городок не случайно, в надежде заехать к ее родственникам, предполагал, что она будет дома.

Аркадий принес плед, укрыл ей ноги. Укрывая, он

как бы случайно провел рукой вдоль бедра. Анна напряглась, но не подала виду. Что это, проверка? Аркадий налил еще горячий чай. Она не привыкла, чтобы за ней ухаживали. Это так приятно.

– Что ж, это свойство твоей психики. Но можно научиться самообладанию. Просто ты должна решить, что нужно привести себя в равновесие. Научись самообладанию. Причем не на один день, а вообще, на всю оставшуюся жизнь. Это не так уж сложно. «Имей мудрость принять то, что не можешь изменить».

– Предлагаешь быть равнодушной?

– Не надо путать с равнодушием. Ответь мне, ты, например, расстраиваешься, когда слышишь в новостях, что в Париже эмигранты устроили погромы или, что где-то в Испании погибли люди в автокатастрофе?

– Я не рыдаю, конечно, но отмечаю про себя, в общем, принимаю к сведению.

– Правильно. Ты не меняешь течение своей жизни, ход своих мыслей и своего душевного равновесия. Так?

– Ну, в общем, да.

– Чем ближе расстояние от фактора расстройства до тебя, при котором ты «принимаешь к сведению», а не впадаешь в панику, тем выше самообладание. Понимаешь? Обстоятельства своей жизни ты тоже можешь «принять к сведению»

– Ну, так можно далеко зайти. Это уже «пофигизм» назы-

вается.

– Название сути не меняет. Просто нужно отсекал негативную информацию. Ты не отрицаешь существование «криминального мира»? Это – параллельный мир, который постоянно пытается пролезть в наш мир. В параллельных мирах есть негатив, но его нужно отсекал, насколько возможно. То, что невозможно отсечь – принять к сведению. Самое главное, не ввязываться эмоционально. Потому что все это происходит не в твоём мире, не в твоей жизни, а в параллельном мире. По большому счёту ты должна создать свой мир. Такой, какой ты хочешь. Это не сложно.

Анна давно никому не подчинялась и терпеть не могла поучений, но сейчас она с удовольствием слушала малознакомого человека. Ей было интересно. И приятно с ним болтать и приятно принимать ухаживания. Так мало нужно, чтобы почувствовать себя женщиной. Впервые за долгое время она встретила мужчину, который был ей не только приятен, но и интересен. Какое наслаждение общаться с умным человеком!

– Во-первых, прекрати смотреть криминальные новости и тому подобное. Отсекай негатив. Он не в твоей жизни. Он в параллельном мире. Запомнила? Во-вторых, всегда и во всем пытайся создать себе комфорт. Никто не сделает этого для тебя. Собираешься покупать квартиру, покупай двухкомнатную. Собираешься ехать на отдых, бери хороший отель. Не экономь на себе.

Аркадий принес бутылку коньяка, фрукты и конфеты, она покачала головой. Алкоголь она не пила. А он обещал отвезти ее домой. Ночевать она не планировала. Хотя, расставаться не хотелось.

– Аркаша, я вообще не пью. Коньяк для меня смертельный яд. Это правда. она всем завидую, кто может пить спиртное. А для меня это яд, особенно коньяк.

– Не поверю, пока не увижу, – он опять смеется.

– Таки не верьте мне, но я останусь жить! – один глоток она все-таки выпила. Хотелось сравнить ощущения после того, как Аркадий рассказал, как нужно пить коньяк. Как напиток испаряется уже во рту, впитывается там, немного доходит до пищевода, его не нужно глотать, его можно вдыхать. Сам процесс можно наблюдать вместе с каждым глотком. Аркадий выпил рюмку коньяка, глаза в пустоту – все внимание на процесс протекания напитка вовнутрь. Смачно.

– Ты можешь создать свой мир, отдельный. Параллельный мир. Торопись, девочка, у тебя не так много времени. Отделили его от других миров. Каждый человек может жить в своем мире. Для этого нужно понять, чего ты хочешь. И создать свой мир.

– Ты сам создал свой мир? Расскажешь, какие параметры у твоего мира? Запас воды, энергоресурсов, площадь земной поверхности. Что еще? Чистота воздуха, население?

– Вот-вот. Чистота воздуха и население – это самое простое. Воздух – это эмоции. Не загружай голову всякой ерун-

дой. Отсекай неприятное. Научись самообладанию – сохраняй хорошее настроение. Население – встречайся и дружи с приятными людьми, которые настроены позитивно, с людьми твоего уровня. Как ты думаешь, я прожил эти шестнадцать лет, когда кроме работы и больной, выжившей из ума матери, ничего не видел? Сейчас мне пятьдесят пять, а шестнадцать лет назад я был в расцвете лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.